

*Митрополит Смоленский
и Калининградский
КИРИЛЛ,
председатель Отдела
внешних церковных сношений
Московского Патриархата*

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЭКУМЕНИЗМА

Межправославная консультация об отношении ко Всемирному Совету Церквей

Шамбези, Швейцария, 19-24 июня 1995 года

Позвольте начать мое выступление с ссылки на ситуацию, в которой находятся сегодня Православные Церкви в Восточной Европе, в частности, в России, где развернулись дебаты относительно целесообразности участия православных в экуменическом движении. Это заставляет нас еще и еще раз подумать о природе нашего участия во Всемирном Совете Церквей.

Когда мне приходится выступать на эту тему, я начинаю с заповеди Христа: «Да будут все едины». Из этой заповеди невозможно сделать никаких исключений и никаких оговорок. Правда, иногда нам говорят, что эту заповедь следует понимать исключительно в рамках и границах Православной Церкви, что нужно стремиться к сохранению единства Православных Церквей.

Да, это действительно так, конечно, но не только, ибо заповедь ясно говорит о всем наследии Христа Спасителя.

Я люблю ссылаться на Игнатия Антиохийского, который в письме к Поликарпу Смирнскому говорит: «Старайся о единстве Церкви, лучше которого нет ничего».

Это действительно призыв евангельский, библейский, это призыв святоотеческий, и мы не можем остаться верными Евангелию и святоотеческой традиции, если откажемся от поисков христианского единства.

В настоящее время, оценивая опыт и успехи православного свидетельства во Всемирном Совете Церквей, можно указать по крайней мере на разработку следующих основополагающих документов ВСЦ:

- Торонтскую декларацию;
- Заявление в Нью-Дели «О единстве»;
- Документ Лимы «О крещении, евхаристии и священстве»;

- Результативный документ конференции «Веры и церковного устройства» в Сантьяго по теме «Кинония в вере, жизни и свидетельстве».

Я сослался на эти документы, чтобы подчеркнуть важность участия православных во Всемирном Совете Церквей, ибо перечисленные документы не могли бы появиться на свет без православных.

Я бы хотел сказать также о том, что многолетние усилия «Веры и церковного устройства» на пути к восстановлению христианского единства отображают усиления католических элементов в жизни и в учении неправославных участников экуменического движения. Мы чувствуем усиление этих элементов как в многостороннем диалоге в рамках Всемирного Совета Церквей, так и, может быть особенно, в наших двусторонних диалогах с неправославными.

И тем не менее, несмотря на то, что есть определенные успехи, внимательного наблюдателя и участника ВСЦ не покидает чувство, что за эти 50 лет не был достигнут тот прогресс, который должен был бы видимо быть достигнут, и о котором, несомненно, мечтали основоположники экуменического движения. И вот эта относительная и тем не менее реальная неудача Всемирного Совета Церквей за 50 лет приводит нас к вопросу о том, насколько верна методология богословского диалога в рамках ВСЦ.

Эта методология сводится к достижению соглашения. Исходя из своих традиций, участники диалога рассматривают предполагаемую тему и фиксируют точки соприкосновения, т. е. то общее, что присуще богословию их церквей. Различия также фиксируются и передаются на дальнейшее изучение. Предполагается, что со временем все или абсолютное большинство существующих разногласий будут сняты через совместный исследовательский процесс, который должен выявить истину веры, сокрытую для большинства участников наслоением более поздних человеческих мудрствований.

Итак, верна ли методология работы? Другими словами, тем ли занимался ВСЦ 50 лет? А если не тем, что тогда? Видимо в любом случае нужно было пройти этим путем, даже если с высоты этих 50-ти лет пройденный путь представляется не всегда правильным, а может быть даже и ошибочным. У истории нет сослагательного наклонения. Мы есть то, что мы есть. Эти 50 лет – наш опыт, наша жизнь, наша история и другого опыта, другой жизни и другой истории у нас во Всемирном Совете Церквей нет.

Одна из фундаментальных богословских проблем, которые существуют в ВСЦ, это проблема понимания Священного Предания – проблема, разделяющая православных и протестантов. Хорошо известно, что в прошлом «Вера и церковное устройство» пыталась штурмовать эту проблему. Но создалось такое впечатление, что штурм так и не был завершен.

Думается, что последующие трудности в экуменическом богословском диалоге во многом обусловлены именно тем, что не удалось выработать общей точки зрения на Предание. В этом обстоятельстве одна из причин многих разочарований и недоумений православных, ибо оценивая то или иное явление в экуменическом движении, ту или иную богословскую концепцию, православные всегда соотносят ее с нормой веры, с

критерием истины, как эта норма, как этот критерий выражены в Священном Предании. Собственно Священное Предание, представленное в деяниях Вселенских и Поместных Соборов, в опыте неразделенной Церкви и есть для православных норма веры. То, что входит в противоречие с этой нормой для православных неприемлемо. Ересь в православном понимании и есть учение, противоречащее Священному Преданию, противоречащее норме веры.

Поскольку в протестантском богословии отсутствует нормативное и обязательное восприятие Предания, то практически в этом богословии отсутствует и понятие ереси. Почти любая богословская точка зрения становится допустимой. Она принимается или не принимается не на том основании, что соответствует или не соответствует норме веры, а потому, насколько убедительна или неубедительна ее аргументация. Слово «ересь» во Всемирном Совете Церквей предпочитают не употреблять, используя, например, слово «плюрализм». Я вспоминаю только один раз, когда употребили слово «ересь», это было в начале 70-х годов в связи с начавшимися дебатами о расизме. И тогда расизм был объявлен ересью. Других случаев я не помню.

В последние годы в ВСЦ много говорилось о единстве в многообразии. Однако четкого критерия относительно того, каким образом могут быть или должны быть положены границы этому многообразию, сформулировано не было. И открытым остается вопрос о том, какой уровень разнообразия допустим и желателен.

Для православных эта ситуация является источником постоянного напряжения; для самих православных и вокруг православных, которые находятся как бы в состоянии круговой обороны, потому что большинство из того, что говорится во Всемирном Совете Церквей, бросает вызов вероучительной идентичности православных. Со своей стороны, сами православные производят на протестантское большинство странное впечатление несговорчивых людей, трудных партнеров, которые тормозят экуменическое движение. Ведь практически на каждом большом экуменическом собрании православные сталкиваются с идеями, которые с энтузиазмом воспринимаются большинством, но которые бросают вызов вероучительной идентичности православных.

«Интеркоммунион» в Упсале, женское священство в Найроби, начало использования инклюзивного языка в Библии в Ванкувере, соотношение христианского и нехристианского в Канбере и жаркие споры о пневматологии.

Можно поставить вопрос: что нас ждет в будущем? Трудно сказать. Но на практике каждое большое экуменическое собрание заставляет православных занять оборонительную позицию. Это столкновение не так уж безобидно, ибо всякий раз православные в меньшинстве, их голос не очень слышен, а значит есть чувство разочарования и растущая тревога, что ВСЦ перестает быть домом по крайней мере для православных.

Я сказал – растущая тревога. И вот здесь для меня очень интересный пункт содержится. Со временем, казалось бы, проблемы должны исчезать, диалог должен покрывать эти проблемы, наше восприятие ВСЦ должно быть все более и более открытым, а наше самочувствие внутри ВСЦ должно быть все более и более комфортным. Такова логика диалога, если диалог идет успешно.

На самом деле происходит обратное. Количество проблем возрастает, количество вызовов нашей идентичности тоже возрастает. Поэтому растет и тревога, растет разочарование. Это разочарование не является результатом психологических фантазий – под этим разочарованием реальная причина. Давайте добавим сюда критику внутри Православных Церквей, – на которую приходится отвечать чаще всего не Всемирному Совету Церквей, а православным участникам экуменического движения, – и становится ясным, насколько непросто сегодня для православных участвовать во Всемирном Совете Церквей. Может быть, в этом одна из причин, почему сегодня непросто убедить молодого талантливого богослова работать в ВСЦ.

Отсутствие согласованного подхода к Преданию ставит под сомнение сам принцип доктринального консенсуса. И в самом деле, что означает соглашение, когда отсутствует общая норма веры? В этих условиях очередная богословская новация может с легкостью перечеркнуть многолетний труд по достижению консенсуса. Ведь так и произошло с женским священством, внедрение которого в практику протестантских церквей поставило под сомнение возможность достижения соглашения по вопросам о священстве, несмотря на явные успехи Лимского документа.

В этой связи представляются важными богословские исследования ВСЦ по теме «Экклезиология и этика», чтобы разработать общие критерии для нравственной оценки явлений современной жизни.

У многих православных, католиков и у католически и традиционно настроенных верующих других церквей большое смущение и соблазн вызывают настойчивые стремления различных параэкуменических, радикально-экстремистских, молодежных, феминистских и других групп и движений использовать ВСЦ для выражения их интересов и убеждений в области семейной этики и относительно так называемых сексуальных меньшинств.

Многие христианские ценности в настоящее время подвергаются нападкам со стороны секулярного общества. Голос христиан воистину будет пророческим и сильным, если это будет единый голос. Такие вопросы, как ценность семьи, святость брака, защита права человека на жизнь, начиная с момента зачатия жизни, проблема абортов, биотехнологии и тому подобное - по этим вопросам необходимо выступать совместно, чтобы убедить современное общество. Отсутствие же единства может, напротив, породить новые разочарования, и не только в экуменическом движении, но и в христианском послании миру.

Если говорить об опасностях для ВСЦ сегодня, то, конечно, нужно сказать о стремлении определенных групп превратить экуменическое движение в широкое движение по сближению христиан, иудеев, мусульман, буддистов и других нехристианских религий. В этой области необходимо различать два разных аспекта: богословский синкретизм, который по сути своей является ересью и опасностью как для экуменического движения, так и для церквей; и диалог с людьми других религий по вопросам практического сотрудничества (права человека, справедливость, мир, целостность творения и т. д.).

Такой диалог необходим сегодня, и я позже скажу о том, что этот диалог должен стать одним из приоритетов Всемирного Совета Церквей в конце XX и начале XXI века.

Хочу только подчеркнуть, что диалог должен предполагать серьезные богословские усилия для выражения христианского благовестия таким образом, чтобы оно было понято разными культурами.

Однако при этом должны существовать ясные богословские критерии, как говорится об этом в Канберском заявлении православных участников, для того, чтобы иметь разумное ограничение этого диалога, без того, чтобы не переступить опасную черту, за которой – вавилонское смешение. Этот диалог не должен вытеснить на периферию собственно богословского диалога, направленного на поиски христианского единства. Православным трудно согласиться с формулировкой госпожи Мери Таннер, что диалог с другими верами должен вестись на основе принятия равенства различных путей к Богу.

Хорошо известно, что после Ассамблеи в Амстердаме в Греции возникла широкая полемика о целесообразности участия православных в работе ВСЦ, о возможных пределах и условиях такого участия для православных.

Высказывались предположения, что это участие следует ограничить только решением горизонтальных проблем и только на уровне мирян. Следы этой полемики можно обнаружить в тогдашней греческой прессе. Как кажется, основные опасения сводились к тому, что участие в работе ВСЦ может повлечь за собой отступление от норм православной веры, может быть ущербным для православной экклесиологии.

Трудно сказать, остались бы православные в экуменическом движении, если бы в 1950 году не была принята Торонтская декларация, которая совершенно ясно очертила условия участия Церквей во Всемирном Совете Церквей и, кроме того, сказала о том, чем ВСЦ не является и какие цели ВСЦ перед собой не ставит.

Принятие Торонской декларации помогло не только сохранить православное участие в ВСЦ, но и расширить его на Ассамблее в Нью-Дели за счет вступления Русской Православной Церкви и других Православных Церквей Восточной Европы. На этой консультации уместно сказать, что основные положения Торонтской декларации и сегодня представляют из себя неперемное условие участия православных в работе и в жизни Всемирного Совета Церквей. Именно поэтому, начиная с Ванкувера, православные участники не перестают выступать в поддержку основных принципов Торонтской декларации.

Чем была и остается на сегодня Торонтская декларация?

Она являлась и является сегодня общим пониманием и видением ВСЦ.

Возникает вопрос: действительно ли изменилась природа ВСЦ за минувшие 45 лет? Так ли значителен наш прогресс, изменил ли он природу Совета?

Ранее я говорил, что прогресс есть, и это факт. Но я бы хотел поставить вопрос иначе: а может ли вообще быть изменена природа Совета, пока Совет остается Советом? Что может изменить природу Совета?

Природу Совета может изменить качественное изменение отношения между Церквями. Природу Совета может изменить реальное соединение всех в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Но тогда Совет уже не будет Советом. Тогда Совет перестанет быть инструментом экуменического движения, тогда перестанет существовать само экуменическое движение. Всемирный Совет Церквей умрет, его больше не будет.

Я задаю себе вопрос: могут ли быть какие-то промежуточные характеристики между Советом, как инструментом единства, и реальным единством, которое мы ищем? Не будут ли эти промежуточные характеристики более выражением нашего желания, нашей мечты, чем реальности?

Я убежден в следующем: нельзя искусственно поднять планку экуменической реальности. ВСЦ есть то, что он есть. И он будет оставаться инструментом единства, пока мы идем к этому единству. Размышлением о природе ВСЦ мы не можем искусственно стимулировать диалог, ибо никакие размышления и даже соглашения о природе ВСЦ не изменят самой природы этой организации. ВСЦ - либо инструмент церквей-членов в их поиске единства, либо ВСЦ не должно существовать вообще. Среднего не дано. Как нет среднего между состоянием разделения и единством Церкви.

Теперь позвольте мне несколько слов сказать о програмных приоритетах ВСЦ, как они представляются православному человеку из России сегодня.

После развала Советского Союза и коммунистической системы мы столкнулись с еще одной опасностью для экуменического движения – с ростом прозелитизма и конкуренцией в миссии. И в данном случае речь идет не только о деятельности сект, но речь идет, к сожалению, и о деятельности некоторых церквей-членов.

Я не хочу здесь никого называть по именам, но, с другой стороны, здесь и секрета нет, что есть церкви-члены ВСЦ, с которыми мы находились в диалоге почти 30 лет, и которые сейчас действуют против нас на территории России и других стран бывшего Советского Союза. Эти лжебратья говорят нам, что мы не умеем заниматься миссией, что мы не умеем обращаться к своему собственному народу, и что они, приехав из Америки, это сделают лучше. И пытаются делать, привозя с собой не только слово, но мешок с долларами.

Совершенно очевидно, что ВСЦ занимает совершенно правильную позицию по вопросу прозелитизма. В этом нет никаких сомнений. Но пока проблема остается, ВСЦ не должен ее игнорировать. И я думаю, что нам следует сделать все для того, чтобы прозелитизм не разрушил те отношения, которые сложились за эти десятилетия между церквями-членами.

Второе, о чем мне бы хотелось сказать, это о религиозном образовании народа Божия. Образование должно способствовать формированию духовно-нравственных основ жизни.

Развитие современной цивилизации ясно показывает, что нравственность, как она представлена в Священном Писании и Предании Церкви, есть средство выживания человеческого рода. Нет иных условий выживания, кроме жизни на основе нравственных евангельских норм.

Для нас сегодня это особая проблема, и я думаю – не только для нас. Ведь понятие греха исчезает из человеческого лексикона. Современный человек ничем не хочет ограничить себя, он не хочет положить никаких пределов своему желанию наслаждаться жизнью.

В настоящее время, по крайней мере на Востоке, в России и в других странах бывшего Советского Союза, многие люди находятся в плену идеалов потребительской жизни, потребительского общества, и в плену того, что мы раньше называли капиталистическими идеалами. Господствует совершенно некритическое отношение к идее свободного рынка. Есть некая идеализация свободного рынка, которая возникла как реакция на социалистическое прошлое. Логика очень простая: социализм нас не привел в рай, а западно-европейские и американские города с красивыми домами и красивыми машинами выглядят почти как рай. Так может быть нужно идти этим путем, чтобы попасть в тот рай?

К сожалению, сегодня в России и, я знаю, в других странах Восточной Европы, мало известно о тех дискуссиях, которые имеют место в международных организациях относительно путей цивилизационного развития. Я думаю, что одной из задач Всемирного Совета Церквей было бы оказание помощи церквям Восточной Европы в их пастырских ответах на те проблемы, которые бросает сегодня экономическое и политическое развитие в их странах.

Главными противоречиями XX века были противоречия в области идеологии. Эти противоречия погрузили наш мир в кошмар Второй мировой войны, они породили «холодную войну», гонку вооружений, истощение ресурсов, загрязнение среды и т. д.

Совершенно очевидно, что к концу XX века человечество преодолело идеологическую конфронтацию. Но наверное было бы слишком сентиментальным и нереалистичным взирать на грядущий XXI век как на «новое небо» и «новую землю».

Совершенно очевидно, что в XXI веке нас могут ждать новые конфликты и новые противоречия – и не менее страшные, не менее опасные, чем конфликты минувшего столетия. Ведь людям накануне XX века казалось, что грядет столетие общего благополучия, на основании того научно-технического уровня, которого достигло человечество. Мы знаем, что такое понимание, такое видение оказалось ошибкой.

Итак, какие же могут быть конфликты в XXI веке? По всей вероятности, и об этом уже сегодня начинают говорить, это могут быть культурно-цивилизационные конфликты.

Совершенно ясно, что сформировалась мощная цивилизация, которую мы условно можем назвать западной секулярной цивилизацией. И совершенно очевидно, что формируются иные цивилизационные поля и центры, в первую очередь, связанные с исламом и с великой китайской культурой.

Где в этом мире Россия и вообще православный мир, лучше так скажем? Что будет означать наш православный мир, наша православная ойкумена, и будет ли она вообще существовать? Каково место православных во всей этой картине мира? Каково место христианства во всей этой картине мира? Какова роль экуменического движения в этом?

Я думаю, что все эти вопросы должны быть приоритетными сегодня в наших богословских размышлениях, в нашем историософском анализе. Мы должны быть действительно духовно подготовлены и интеллектуально вооружены, чтобы встретиться с новой реальностью наступающего XXI века.

Я не могу не коснуться того, что, на мой взгляд, сегодня является очень важным и сильным в деятельности ВСЦ. Это диаконическое служение Всемирного Совета Церквей, которое действительно является эффективным и которое направлено на то, чтобы помочь страждущим. Я думаю, что еще долго эта деятельность Всемирного Совета Церквей будет важной и вдохновляющей частью нашей всеобщей работы.

Опыт трудного православного участия в жизни Всемирного Совета Церквей при всей его некомфортабельности, очень важен для Православных Церквей. Он помогает нам расти, преодолевая эти трудности. Он содействует нашей православной солидарности. Он, несомненно, в хорошем смысле, провоцирует развитие православного богословия.

Но наше участие в экуменическом движении, наше настойчивое свидетельство о вере и предании Древней Неразделенной Церкви нужно и Всемирному Совету Церквей, потому что без такого участия просто не будет Всемирного Совета Церквей, а будет какая-то другая организация.

В 1920 году в Женеве, кстати, в гостинице «Россия», проходила экуменическая конференция, на которой впервые, может быть, были поставлены вопросы о важности православного свидетельства. После этой конференции в нашем русском православном храме в Женеве состоялось по приглашению митрополита Евлогия торжественное богослужение, на котором присутствовали участники этой конференции. В конце богослужения выступил епископ Чарльд Бренд, председатель конференции, который сказал буквально следующее: «Нам следует безотлагательно рассмотреть разумные и обоснованные предложения Православных Церквей, касающиеся сотрудничества и нашего экуменического содружества».

Это были последние слова на экуменической конференции в 1920 году. И я уверен, что эти слова пионера экуменического движения должны звучать громко и ясно, как его наказ Всемирному Совету Церквей.